

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 531–540, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 316.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-531-540

Миграция сельских жителей Калмыкии в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бадмаева Н. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Кризисные процессы в сельскохозяйственной отрасли Калмыкии, разрушенная инфраструктура, безработица и низкий уровень оплаты труда приводят к активной миграции сельского населения республики. Одним из направлений миграции, кроме Москвы, Санкт-Петербурга, является миграция в районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории. *Цель* данной статьи — рассмотреть особенности миграции и жизни сельского населения Республики Калмыкия в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. *Материалы и методы.* Исследование проводилось методом глубинного структурированного интервью. Поиск респондентов осуществлялся по методу «снежного кома». Всего было проведено 20 интервью. Они были записаны в марте–апреле 2021 г. *Результаты.* Анализ глубинных интервью показал, что люди едут в районы Крайнего Севера, чтобы решить свои материальные проблемы, получить работу, развиваться в карьерном плане, заработать на «северную» пенсию. У многих все получается, приобретены квартиры, строятся дома, есть возможность помогать родственникам. Однако, несмотря на быструю адаптацию, многие теряют свое здоровье. Респонденты в большинстве своем планируют вернуться в Калмыкию только тогда, когда будут выходить на пенсию, после работы в районах Крайнего Севера многие думают переехать жить или работать в Москву или подмосковный регион. При этом важно отметить, что мигрируют жители республики, хорошо знающие калмыцкий язык. Калмыцкие мигранты отмечают, что страдают от того, что не могут реализовать себя по специальности, не могут быть полезными своему региону. При этом важно отметить, что землячество не только организует праздники, но и проводит определенную просветительскую работу (обучают языку и танцам), помогают детям и пожилым.

Ключевые слова: трудовая миграция, сельское население, районы Крайнего Севера, адаптация, сложные климатические условия, землячество

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (номер госрегистрации: АААА–А19–1190111490037–8).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Миграция сельских жителей Калмыкии в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 531–540. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-531-540

Migration from Rural Areas of Kalmykia to the Far North and to the Territories Equated to the Far North.

Nogan V. Badmaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail: badmaevanv@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Badmaeva N. V., 2021

Abstract. *Introduction.* A critical situation in the agricultural sector of Kalmykia, largely destroyed infrastructure, unemployment, and low wages are the factors that contribute to the increase of migration of the population in the rural areas of the Republic. One of the destinations for migrants, besides Moscow and Saint-Petersburg, is Far North and territories equated to it. The present article's *aim* is to examine the character of this migration and the migrants' life in the northern lands. *Data and research methods.* The study employs the method of structured in-depth interview; the respondents found by way of "snow-balling". There are 20 interviews in all, recorded in March-April 2021. *Results.* The analysis of the interviews indicates that the people migrate to the Far North to solve their financial problems, to get jobs, to make careers, and to earn their "northern" pensions. Most of them are quite successful: flats are bought, houses are being built, and there is money to help their relatives. They may adapt well to the new environments but very often at the expense of their health. The interviewees often have plans to go back to Kalmykia but only when they are retired or after their work in the Far North they may move to Moscow and Podmoskov'e to live and work there. Importantly, the migrants from Kalmykia are usually those who have a good command of their mother tongue. Their complaints are that they have no opportunity to realize their professional ambitions and be useful to their home villages and places. Notably, migrants have Kalmyk associations that organize besides holiday feasts some educational activities (teaching mother tongue and Kalmyk dances), and support the elderly and the young.

Keywords: labor migration, rural population, Far North areas, adaptation, harsh climate, associations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Development of Rural Areas in South Russia: Comprehensive Socioeconomic and Environmental Monitoring' (state reg. no. AAAA-A19-119011490037-8).

For citation: Badmaeva N. V. Migration from Rural areas of Kalmykia to the Far North and to the Territories Equated to the Far North. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 531–540. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-531-540

Введение

Сложное социально-экономическое положение Калмыкии усиливает отток трудоспособной части населения за пределы Республики. Миграционные процессы в значительной степени затронули сельские территории региона. Кризисные

процессы в сельскохозяйственной отрасли республики, разрушенная инфраструктура, безработица и низкий уровень оплаты труда приводят к активной миграции сельского населения. Одним из направлений миграции, кроме Москвы, Санкт-Петербурга, является миграция в районы

Крайнего Севера и приравненные к ним местности.

Сложившаяся система льгот и надбавок, компенсирующая проживание в сложных климатических условиях Крайнего Севера, привлекает трудовых мигрантов не только из Калмыкии, но и из других дотационных регионов России, где остро стоят проблемы безработицы и имеется недостаточно высокий уровень оплаты труда. Меры экономического стимулирования трудовой миграции в районы Крайнего Севера начали действовать еще с 1920-х гг., а к 1960-м гг. государством была создана обширная система северных льгот и надбавок, которая в изменившемся виде существует и сегодня. В это же время, более полувека назад, появился регулярно редактируемый перечень территорий Крайнего Севера и приравненных к нему местностей [Ефремов 2016: 142].

Миграция в районы Крайнего Севера является предметом анализа многих авторов, однако все же она недостаточно изучена. Различные аспекты миграционных процессов на Крайнем Севере представлены в работах Н. В. Мкртчяна, М. А. Павловой, И. А. Ефремова, А. Е. Шапарова и др. [Мкртчян 2020; Павлова 2014; Ефремов 2016; Шапаров 2019]; дифференциация регионов Крайнего Севера России по уровню и качеству жизни населения — И. А. Родионовой и Е. М. Лиманской [Родионова, Лиманская 2010]; оплата труда работников, льготы в районах Крайнего Севера — В. В. Елизарова, Р. В. Дмитриева, Е. Н. Лищук, С. Д. Капелюк [Елизаров, Дмитриев, Ефремов 2015; Лищук, Капелюк 2020]; работа вахтовым методом в районах Крайнего Севера — В. В. Фаузера, Т. С. Лыткиной и др. [Фаузер, Лыткина 2015].

Стоит заметить, что в последние годы миграция в районы Крайнего Севера уступает миграционным потокам в крупные города [Ефремов 2016: 142; Гильтман, Обухович, Ларионова 2020: 30]. Тем не менее в таких регионах Крайнего Севера, как Чукотский автономный округ (далее — ЧАО), Ямало-Ненецкий автономный округ (далее — ЯМАО), Ханты-Мансийский автономный округ (далее — ХМАО), поддерживается один из самых высоких уровней заработной платы по России [Рейтинг 2020]. Этот фактор, на наш взгляд, является важным при решении о миграции населения жителей страны в районы Крайнего Севера.

Цель данной статьи — рассмотреть особенности миграции сельского населения Республики Калмыкия и его адаптации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Материалы и методы

Исследование проводилось методом глубинного структурированного интервью. Поиск респондентов осуществлялся по методу «снежного кома» (snow ball). Всего было проведено 20 интервью с сохранением гендерного баланса — 10 мужчин и 10 женщин. Интервью были проведены методом телефонного опроса в марте-апреле 2021 г. Участники интервью живут и работают в следующих регионах: ЯМАО (г. Надым, г. Салехард, г. Новый-Уренгой, г. Ноябрьск), ХМАО (пгт Березово, село Теги), ЧАО (г. Анадырь, г. Певек), Красноярский край (район Талнах г. Норильска).

Анкета предполагает анализ ответов по следующим индикаторам: причины миграции и подготовка к миграции, адаптация к новым климатическим условиям, длительность нахождения в трудовой миграции, интеграция в принимающее общество, связь с «малой родиной», роль землячеств в консолидации калмыцких диаспорных групп, поддержка этнической идентичности через участие в работе землячеств и их мероприятиях религиозного и образовательного характера.

Решение о миграции и ее причины

Среди причин миграции основными являются неудовлетворенность низкой заработной платой либо отсутствие работы у себя на «малой родине». У части респондентов на момент принятия решения о миграции даже если и была работа, то размер заработной платы не позволял совершать крупные покупки и решить квартирный вопрос. Другая часть респондентов имела несколько источников доходов, но все это были временные и непостоянные заработки: «работал на скорой фельдшером», «работал как „муж на час“», «подрабатывал в такси», «у меня было две сменные работы» и др.

Один из респондентов был вынужден уехать после окончания университета: «... после защиты диплома обратился в Министерство образования Калмыкии, мне предложили работу учителем, подъемные

100 тыс. руб., зарплата, сказали, 8–9 тыс. руб. плюс классное руководство, отработать 3 года, городская школа, очень хотел работать по специальности, но, как узнал размер заработной платы, расстроился, ужаснулся» (мужчина 29 лет, ХМАО).

Решение о миграции, как правило, респонденты принимали, обсуждая его на семейном совете. При этом большинство мужчин отмечают, что окончательное решение оставалось за ними как главой семьи. Важно отметить, что раздумья о миграции и взвешивание «за» и «против» занимали некоторое время. Некоторые респонденты отмечали, что думали о миграции на протяжении двух или трех лет: «вынашивала эту идею два года», «думал о миграции на Север в течение трех лет, но все не получалось» и т. д.

Немаловажным фактором при принятии решения было наличие родственников, друзей или знакомых, которые уже устроились на новом месте и имели позитивный опыт жизни в принимающем обществе «на севере». Они в большинстве случаев помогали респондентам обустроиться в первое время, предоставляли жилье или помогали с поиском жилья, информировали о существующих вакансиях. Это явление можно охарактеризовать как «цепную миграцию».

Адаптация к климату

Большая часть респондентов адаптировались к климатическим условиям достаточно быстро: «...нет, адаптации долгой не было. В целом климат мягкий, мало ветреных дней. Морозы без ветра переносятся легче, да и характер моей работы не предполагает долгое нахождение на улице» (женщина 52 г., ХМАО).

Однако, как отмечают многие респонденты, сложно было привыкнуть к полярной ночи и полярному дню, к отсутствию солнца по несколько месяцев или, наоборот, не могли привыкнуть в дневному свету в ночное время. Если температуру –30 градусов переносили достаточно хорошо, то морозы –50–60 градусов описывали коротко: «дико холодно», «испытал шок». Многим пришлось покупать более «теплую» зимнюю одежду и инвестировать первые заработки в качественную сезонную одежду и обувь. Короткое северное лето респонденты описывают как влажное, дождливое. Самым неприятным моментом является большое

количество насекомых: комары, мошки, слепни. Летом обычно большая часть респондентов по возможности старается уехать в отпуск в Калмыкию или отправить на малую родину детей на летние каникулы.

Длительность нахождения в трудовой миграции

Респондентов можно условно разбить на две группы: относительно недавно прибывших мигрантов с опытом жизни в миграции около 1–2 лет и группу «старожилов», живущих на Севере более 10 лет. Две трети опрошенных респондентов хотят заработать «северную пенсию». Она обычно в несколько раз выше, чем в других регионах страны. В каждом районе имеется свой региональный коэффициент, который значительно увеличивает итоговую сумму пенсионных выплат. Показатель коэффициента зависит от климата, удаленности, уровня негативного воздействия на здоровье гражданина. «Северная пенсия» также предоставляет возможность раньше выйти на пенсию. Стаж работы в районах Крайнего Севера должен составлять не менее 15 лет, в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, — не менее 20 лет. Кто-то ее уже «заработал». Одна из респондентов отметила: «все говорят, что приехали годика на 2–3, а получается, живут лет 10». Кто-то сразу планирует на 10 лет «минимум».

Интеграция в принимающее общество, адаптация к жизни в месте проживания

Большая часть респондентов не испытывала проблем с интеграцией в принимающее общество и в новый трудовой коллектив. Один из респондентов отметил сложности интеграции в трудовой коллектив, но больше связывал это со своим молодым возрастом и недостатком профессионального опыта, нежели со статусом трудового мигранта. По его словам, все коллеги по возрасту были старше его, и они были настроены крайне критически к его назначению в качестве начальника. Но с течением времени он наладил дружеский контакт с членами коллектива и завоевал их доверие (мужчина 26 лет, ЯНАО).

Часть респондентов говорит, что по прибытии они старались ознакомиться с культурой местных сибирских народов:

хантов, манси и ненцев. Один из респондентов отмечает, что коллеги специально организовывали для него ознакомительные экскурсии.

Некоторые респонденты отмечают, что на новом месте они обучились новым навыкам и стали заниматься традиционными для Сибири и Севера занятиями — сбор диких ягод и рыбная ловля. Дары местной природы в виде лесных грибов и ягод стали популярным подарком для отправки на малую родину в Калмыкию: «сын здесь жил, сейчас уехал, но мы передаем ему ягоды, рыбу» (женщина 56 лет, ХМАО). Также респондент отметила, что им удастся получить несколько урожаев картофеля, который затем они реализуют: «Перед отъездом в отпуск высаживаем картошку, окучиваем, летом следят соседи, продаем потом, сдаем в учреждения. У нас большой участок, белые ночи с середины мая до середины августа, поэтому хорошо растет картошка» (женщина 56 лет, ХМАО). Этот факт является интересным, поскольку территория региона, где они проживают, отнесена к Крайнему Северу и считается непригодной для ведения сельского хозяйства. В Калмыкии картофель в большинстве случаев привозной, жаркий климат и отсутствие воды не позволяет населению получать хороший урожай картофеля, не говоря уже о получении нескольких урожаев за одно лето.

Большая часть респондентов отмечает, что, несмотря на высокие зарплаты, цены на продовольственные товары незначительно отличаются от цен на товары в Калмыкии. Цены на продукты очень высокие только в Анадыре и Певеке (ЧАО): хлеб — 100 руб., картошка — 200 руб., огурцы — 400 руб., помидоры — 500 руб., мандарины — 500–600 руб., яйца — 300–400 руб. В Ноябрьске, Надыме есть сетевые магазины. Коммунальные платежи в Анадыре — 2 тыс. руб., съем квартиры — 15 тыс. руб. / месяц; в Ноябрьске, Салехарде также съем квартиры обойдется в 15–17 тыс. руб. Оплата интернета — 1 тыс. руб. Одежду покупают в основном в столичных торговых центрах, когда едут домой через Москву. Одна респондент отметила, что стала покупать всю одежду в Березове, другой респондент сообщил, что заказывает одежду по интернету (Ozon, Wildberries).

Профессиональный статус и работа вахтовым методом

Большая часть респондентов работает в государственных учреждениях: следователи и участковые в полиции, фельдшер на станции «скорой помощи», бухгалтер в отделе образования города, заведующий в музее, директор школы, учитель, воспитатели в домах-интернатах; в частных организациях — бухгалтером, парикмахером, специалистами в нефтегазовой компании. Интересно, что это профессионалы и специалисты, для которых трудовая миграция проходит наименее болезненно.

Четыре респондента работают вахтовым методом. Вахтовый труд является одной из разновидностей мобильной трудовой занятости, представляет собой «маятниковую форму» миграции без переезда на новое место с семьей и детьми. Согласимся с мнением М. С. Туракаева, что вахтовый труд является в большинстве случаев вынужденной мерой, однако он позволяет в кардинальной степени не менять повседневный уклад жизни [Туракаев 2016: 37].

Опрошенные респонденты подтверждают, что вахтовый труд являлся вынужденной мерой, поскольку в их поселках не было стабильной занятости, и в то же время он позволяет им заниматься собственным хозяйством или помогать родственникам на чабанских стоянках. Два калмыцких мигранта работают на шахте в Красноярском крае, два — на строительстве газоконденсатного месторождения в Новом Уренгое. На шахте работают водителем и поваром, смена — 30/30. Проезд (перелет), проживание — все оплачивается фирмой. Живут в общежитии, условия средние; отмечают, что очень плохая вода («желтая, скорее всего из-за старых труб»), питьевая вода предоставляется фирмой. Зарплатой удовлетворены.

Респондент, работающий на шахте в Красноярском крае, одной из причин, по которой он устроился работать вахтовым методом, называет отсутствие постоянной работы в поселке, где он проживает. Он подрабатывал таксистом, работал в пассажироперевозках. О том, что его подтолкнуло к трудовой миграции в районы Крайнего Севера и как сейчас работает, он говорит так: «...зарплаты не хватало, квартира съемная в Элисте, помогают родители — продуктами, в присмотре за детьми, сейчас вожу грузо-

вую машину, адаптация прошла нормально, бывают морозы очень сильные, планов возвращаться пока нет, нужно заработать, купить квартиру. Может, уеду куда-нибудь в другое место, есть родственники, зовут в ЯНАО» (мужчина 33 г., Красноярский край).

В Новом Уренгое два человека работают водителем и арматурщиком. Работать очень сложно — сильные морозы. Также живут в общежитии, смена — 90/30. Зарплатой удовлетворены (60–70 тыс. руб.). Один из них отмечает, что зарплату он сейчас получает хорошую, до отъезда работал в поселке сторожем при хуруле (храме), где зарплата составляла 15 тысяч руб. Необходимость оплачивать проживание и обучение старшего ребенка в городе (Элиста), для подготовки к поступлению в университет, подтолкнула его к трудовой миграции и работе вахтой (мужчина 41 г., ЯНАО).

Роль землячеств и поддержание связей с малой родиной

Большая часть респондентов отмечает, что по приезду испытывают сильную ностальгию по Калмыкии, при этом в одной семье кто-то скучает, а кто-то — нет: «...когда уехали, конечно, скучали. Муж скучает очень сильно по своему дому, по улице своей, родственникам. Я не скучаю так сильно, у меня здесь сестры, племянники, жили всей семьей с детьми, сейчас дочь здесь живет, сын уехал в Калмыкию» (женщина 56 лет, ХМАО).

Активные землячества отмечены в поселке городского типа Березово (ХМАО), в г. Анадыре (ЧАО). В Салехарде, Надыме (ЯМАО) диаспоры чуть меньше. В Березово, по оценкам респондентов, проживает более ста калмыков, в Анадыре примерно двести, но если считать с поселками, то около трехсот человек.

Рассмотрим примеры деятельности землячеств со слов респондентов в Березово (Ханты-Мансийский автономный округ). Одна из респондентов сообщает, что землячество у них активное: земляки совместно отмечают калмыцкие праздники *Зул* и *Цаган Сар*, участвуют в Фестивале национальных культур, организуемом местными властями. Для участия в первом фестивале в 2004 г. участники землячеств заказывали костюмы в Элисте: два мужских костюма и два жен-

ских. Респондентка говорит, что в последние годы наши земляки покупают себе в Калмыкии стилизованные платья, жилеты, шапочки и по приезду на север обязательно их носят, особенно в калмыцкие праздники. Также респондент отмечает, что они постоянно участвуют в местных выставках декоративно-прикладного искусства, представляют Калмыкию. Она обращает внимание, что среди земляков «много одаренных: есть исполнители горлового пения, поэт Эрдни Бадмаев...». В их общине немало детей, для них заказывали футболки с надписью «Республика Калмыкия» для участия в танцевальных флеш-мобах. У них есть группы в разных мессенджерах. В целом, оценивая земляческую общину, она отмечает: «Молодых много, это те, кому 30–40 лет. Работают фельдшерами, учителями, в полиции. По праздникам складываемся. Складываются только мужчины. На новый год организуем подарки детям. Есть свои Дед Мороз и Снегурочка, поздравляем детей так. Объявляем конкурсы на детские рисунки, поделки, награждаем, дарим призы. На *Зул* два года подряд арендуем помещение и участвуем в прямой трансляции молебна, проводимого центральным хурулом Калмыкии. Накрываем стол, готовим *борцоки*. В 2020 г. поставили памятную плиту, посвященную жертвам депортации. Мало кто уезжает, 2–3 человека» (женщина 56 лет, ХМАО).

Анадырь, Чукотский автономный округ. Здесь также активное землячество, которое имеет группы в мессенджерах. Калмыцкая община пока официально не зарегистрирована как общественная организация, хотя она провела общее собрание, о чем имеется протокол с решением о создании РОО. Это нужно калмыцкому северному сообществу, чтобы учить детей калмыцкому языку, танцам, чтобы иметь возможность арендовать помещение для занятий. Общину должны были зарегистрировать в 2020 г., но из-за пандемии реализация планов пока отложена. Респондент обращает внимание на то, что в их общине есть люди, которые могут научить языку, это представители взрослого поколения, которые хотят научить, и есть родители, которые стремятся к тому, чтобы их дети учили язык. Также есть хореографы калмыцких танцев. В 2021 г. на Цаган-Сар своими силами была организована богатая культурная программа: танцы, песни, дети

были привлечены. На *Зул* активисты сделали *борцоки*, купили конфеты и собрали подарки, туда еще положили мужчинам — калмыцкие шапки, женщинам — платочки. Это раздавали тем, кто старше 65 лет. Респондент рассказывает: «Одной из землячек папа как лама (священнослужитель) читал молитвы, приезжал сюда...», «...пытались сделать перепись калмыцкого населения, районы, не знаю, вошли или нет, порядка 200–300 человек. Во время пандемии через калмыцкие чаты собирали деньги, оказывали помощь, покупали необходимые средства, кому что нужно было» (женщина 40 лет, Анадырь).

Во всех северных регионах получают посылки из Калмыкии. Посылки привозит специальная машина. Передают все: от продуктов до предметов быта. Из продуктов передают мясо (местное мясо практически никто не ест, считая его безвкусным, несравнимым по вкусу с калмыцким мясом, кроме мяса птицы), колбасы, конфеты, а также полуфабрикаты и тушенку калмыцких производителей: берики («Сар»), ивановскую, адыковскую. В зависимости от расстояния стоимость посылки может варьироваться: 65 руб. / кг (Надым), 75 руб. / кг (Березово), 100 руб. / кг (Анадырь). В Калмыкию респонденты передают ягоды замороженные, рыбу, также передают вещи, поскольку «некому отдавать». «Через машину передают вещи те, кто собирается уезжать, потом одежду, если некому отдавать, тоже передают родственникам, друзьям и т. д. Машина к нам приезжает только второй год, потому что добираться сложно, а так она давно ездит, передают ковры даже» (женщина 58 лет, ХМАО).

Соблюдение этнических традиций, религиозных обрядов

Как уже было отмечено, большинство респондентов отмечает калмыцкие народные праздники *Зул* и *Цаган-Сар*. При этом важно отметить, что у большинства дома есть алтарь, специальная полка для подношений или место, специально выделенное для подношений. Один из респондентов описывает следующее: «*Зул* (лампадка) зажигаю, есть алтарь, атрибуты, танки, есть уголок. У тети и дяди до 2018 года не было алтаря, как приехал, организовал им алтарь, привез им все атрибуты, *Зул*, топленое мас-

ло...» (мужчина 29 лет, ХМАО). «Дома есть алтарь. У всех практически есть» (женщина 40 лет, ЧАО).

Калмыцкий язык

Многие респонденты очень хорошо знают калмыцкий язык, только единицы не владеют языком. На калмыцком языке респонденты, с их слов, общаются с земляками, в семье: «...говорю на калмыцком языке, со знакомыми общаемся на калмыцком, муж и дочь тоже знают язык, внучка знает много обиходных слов, хотя у нее отец — русский» (женщина 56 лет, ХМАО); «земляки на калмыцком хорошо разговаривают, много молодежи знает язык» (женщина 40 лет, ЧАО).

В Березове на некоторое время были организованы курсы калмыцкого языка. Их вел один из респондентов — учитель калмыцкого языка по специальности. Он отмечает, что по организационным причинам (аренда помещения, согласование времени занятий) «инициатива по изучению калмыцкого языка сошла на нет, хотя результаты были хорошие: выучили названия частей тела, приветственные фразы, небольшую информацию о себе, детские песни, дети быстро усваивают информацию» (мужчина 29 лет, ХМАО).

Часть респондентов, которая не владеет калмыцким языком, отмечает, что жалеет о том, что не знает родной язык.

Актуализация этнической идентичности

Несмотря на то, что вопросы именно этнической идентификации в принимающем обществе не были запланированы в исследовании, однако в ходе беседы некоторые респонденты сами делились своими мыслями и ощущениями. Это позволило сделать вывод об актуализации этнической идентичности в новой социальной среде. Один из респондентов, у которого папа — русский, а мама — калмычка, говорит о том, что по приезду стал идентифицировать себя как калмык, при том, что, проживая в поселке в Калмыкии, где 95 % жителей составляют чеченцы и дагестанцы, всегда считал себя русским (мужчина 26 лет, ЯНАО). Другой респондент отмечает: «... когда уехал, я понял, что моя национальность — это моя основа, хотя не владею

языком, знаю, что у меня есть родная земля, родственники. У многих в Калмыкии родня раскидана по разным городам, они не общаются, даже родные братья, сестры, родители, а у нас все-таки все хорошо в этом плане, я чувствую, что у меня есть поддержка, я не один» (мужчина 33 года, Красноярский край).

Результаты миграции и ее оценка

Большая часть респондентов, уехав на заработки на север, разрешила квартирный вопрос. Многими приобретены квартиры в ипотеку, кто-то уже выплатил ее. Причем приобретены квартиры как в Калмыкии, так и в регионе, где работают респонденты. Среди них есть те, кто купил в ипотеку дом с земельным участком. Респонденты отмечают: «жилье приобрели через пять лет после приезда — купили дом в ипотеку, большой участок, 5 % ипотеки сами оплачивали, 7 % — округ, также приобрели две квартиры в Элисте. В одной квартире сейчас проживает сын, в другой — родственники» (женщина 56 лет, ХМАО); «через год взял ипотеку в Березово, съемная квартира стоила 14 тыс. руб., ипотека — 14,5 тыс. руб., квартира однокомнатная — 1 миллион 300 тыс.» (мужчина 29 лет, ХМАО).

Оценивая миграцию, респондент из Надыма говорит следующее: «Не жалею, что уехали. В финансовом плане мы были молодой семьей, на жизнь хватало, но не было возможности купить квартиру. Решили „на север“, потому что в Москве очень много затрат, расстояния большие, детей в большом городе побаивались отдавать куда-либо, нужно, чтобы их водили няня или бабушки. На севере города компактные, все есть, школы, сады, нет очередей в сады практически. В 1,2 или 1,3 года дети уже свободно идут в садик. Все рядом здесь, компактно, доступно. Секции и кружки все бесплатные. Бассейн бесплатно, дочка ходит в бассейн, сын — на хоккей. 4 года дочь ходила в музыкальную школу, тоже бесплатно. У дочери один одноклассник — калмык. Дети-калмыки встречаются, общаются». Респондент также отмечает, что купили и уже расплатились за ипотеку двухкомнатной квартиры. Приобрели однокомнатную квартиру в Элисте (женщина 37 лет, ЯНАО). Также четыре респондента указали, что строят дом в Элисте.

Таким образом, респондент понимает правильность своего решения о выборе работы в районах Крайнего Севера, видит не только материальные результаты своего труда (квартиры), но и выражает определенное удовлетворение условиями проживания и качеством жизни на новом месте, положительно оценивает работу местных властей и ее способность обеспечить достаточное финансирование учреждений культуры, спорта, образования и медицины.

Другой респондент отмечает, что до приезда в Надым восемь лет проживала в Москве. Свою жизнь в Москве она описывает одним словом — стресс. Стресс на работе, стресс, когда добираться на работу, стоишь в пробках, стресс из-за съемной квартиры. В Надыме она проживает в съемной квартире, но оплата не 30–40 тысяч, как в Москве, а 18 тысяч с коммунальными платежами. При этом зарплата больше. Также респондент отмечает: «Я нашла работу за два дня, на третий день уже вышла. Общаюсь с клиентами, работаю в сфере быта и обслуживания. Люди внешне суровые и закрытые, оказываются очень душевными» (женщина 43 г., ЯНАО).

В целом многие респонденты отмечают, что на новом месте работы они «раскрываются», начинают работать лучше. Дети также учатся хорошо в школах. Здесь, как считают респонденты, строго соблюдаются нормы труда: «в Калмыкии на „скорой помощи“ смена была 24 часа, здесь смена по 12 часов» (мужчина 29 лет, ХМАО); «здесь народ любит жаловаться, власти отслеживают соцсети, есть группа „Злой надымчанин“, там, чуть что, сразу прокуратура начинает проверку, власти быстро реагируют, соцсети отслеживаются постоянно. Калмыки считаются хорошими специалистами, знаю точно, что многие пытаются попасть на прием к врачу, нашему земляку..., наша участковая медсестра — калмычка, приехала вся в долгах, кредитах, оставила троих детей и мужа, была худая, а сейчас уже три года работает, выплатила все кредиты, стала хорошо выглядеть, преобразилась» (женщина, 37 лет, ЯНАО).

Многие, несмотря на быструю адаптацию, отмечают, что жизнь и работа в негативных климатических условиях с возрастом все больше начинают ощущаться: «здоровье уже не то», «я здесь уже почти 10 лет,

мои родственники говорят, что выгляжу старше своих ровесников». На лечение, проведение операций выезжают в крупные города (Тюмень, Хабаровск).

Выводы

Анализ глубинных интервью показал, что люди едут в районы Крайнего Севера, чтобы решить свои материальные проблемы, получить работу, развиваться в карьерном плане, заработать на «северную» пенсию.

У многих все получается, приобретены квартиры, строятся дома, есть возможность помогать родственникам. Однако, несмотря на быструю адаптацию, многие теряют свое здоровье.

Решение о миграции является для мигрантов осознанным, респонденты думают о миграции в течение нескольких лет. При этом в большинстве случаев респонденты представляют собой классический пример цепной миграции, когда мигранты прибывали в район Крайнего Севера по «призыву» близких или дальних родственников. Например, сначала едет мужчина, а затем он перевозит свою семью. Респонденты в большинстве своем планируют вернуться в Калмыкию только тогда, когда будут выходить на пенсию, после работы в районах Крайнего Севера многие думают переехать жить или работать в Москву или подмосковный регион.

Мигрируют жители республики, хорошо знающие калмыцкий язык. Многие ре-

спонденты отмечают, что страдают от того, что не могут реализовать себя по специальности, а также не могут быть полезными своему региону. Они отмечают, что если даже заработная плата будет меньше, чем «на севере», но при этом ее хватило бы на нормальную жизнь, то они с удовольствием вернулись бы в родной регион. Землячество не только организует праздники, но и проводит определенную просветительскую работу (обучает языку и танцам), а также благотворительную — помогают детям и пожилым.

Важно отметить, что многие мигранты, выходцы из Калмыкии, имеют хорошую профессиональную репутацию, а дети-калмыки в школах всегда хорошо учатся и считаются способными учениками. Поскольку зачастую миграционные процессы связаны с процессами идентификации с определенной социальной группой или этносом, в проведенном исследовании некоторые респонденты говорили об изменении своей этнической идентичности или ее «обострении». Таким образом, сделаем еще один вывод, что миграция в районы Крайнего Севера, жизнь и работа в сложных климатических условиях во многих респондентах пробуждает не только интерес к своей культуре, но и осознание и понимание влияния культуры, языка, истории, родственных связей на восприятие своей личности в дру-гой социальной среде.

Литература

- Гильтман, Обухович, Ларионова 2020 — *Гильтман М. А., Обухович Н. В., Ларионова Н. И.* Влияние заработной платы в европейской части России на миграцию в районах Крайнего Севера // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 3. С. 28–50.
- Елизаров, Дмитриев, Ефремов 2015 — *Елизаров В. В., Дмитриев Р. В., Ефремов И. А.* Льготы в районах Крайнего Севера: сохранить нельзя отменить // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 3. С. 36–48.
- Ефремов 2016 — *Ефремов И. А.* Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионоведение. 2016. № 4. С. 140–159.
- Лищук, Капелюк 2020 — *Лищук Е. Н., Капелюк С. Д.* Проблемы регулирования оплаты труда работников Крайнего Севера и приравненных к нему местностей // Экономика региона. 2020. Т. 16. № 1. С. 97–113.
- Мкртчян 2020 — *Мкртчян Н. В.* Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 8. С. 431–448.
- Павлова 2014 — *Павлова М. А.* Социологический портрет второго поколения мигрантов Крайнего Севера // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 188–192.
- Рейтинг 2020 — Рейтинг российских регионов по уровню зарплат – 2020 [электронный ресурс] // РИА Новости. Инфографика. 23.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201123/zarplata-1585826589.html> (дата обращения: 05.04.2021).
- Родионова, Лиманская 2010 — *Родионова И. А., Лиманская Е. М.* Дифференциация регионов Крайнего Севера России по уровню и

Efremov I. A. Present migration processes in the Far North of Russia. *Regionology (Russian Journal of Regional Studies)*. 2016. No. 4. Pp. 140–159. (In Russ.)

Elizarov V. V., Dmitriev R. V., Efremov I. A. Social benefits in Russia's Far North: retain not annul. *Living Standards and Quality of Life*. 2015. No. 3. Pp. 36–48. (In Russ.)

Fauzer V. V., Lytkina T. S. Russia's North: fly-in fly-out and demographic potential. In: Development of Russia's North in a Managerial Perspective. Conference proceedings (Syktyvkar; October 20–23, 2015). Syktyvkar: Komi Republican Academy of State Service and Administration, 2015. Pp. 302–307. (In Russ.)

Giltman M. A., Obukhovich N. V., Larionova N. I. The impact of wages in the European part of Russia on migration in the Far North. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2020. Vol. 29. No. 3. Pp. 28–50. (In Russ.)

Lishchuk E. N., Kapelyuk S. D. Problems of wage regulation in the Russian Far North and similar localities. *Economy of Region*. 2020. Vol. 16. No. 1. Pp. 97–113. (In Russ.)

Mkrtychyan N. V. The role of migration in the dynamics of number and structure of the population of the Far North regions and equivalent localities. *Nauchnye trudy: Institut narodno-khozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. 2020. No. 8. Pp. 431–448. (In Russ.)

Pavlova M. A. Sociological portrait of the second generation of migrants in Far North. *The Review of Economy, Law and Sociology*. 2014. No. 2. Pp. 188–192. (In Russ.)

Rodionova I. A., Limanskaya E. M. Russia's Far North: regions differentiated by standards and quality of life. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2010. No. 3. Pp. 77–86. (In Russ.)

Russia's regions rated by wage levels – 2020. On: RIA Novosti (news agency). Information graphics. Posted on November 23, 2020. Available at: <https://ria.ru/20201123/zarplata-1585826589.html> (accessed: April 5, 2021). (In Russ.)

Shaparov A. E. Regions of Russia's Arctic zone: migration processes revisited. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2019. No. 14–1. Pp. 626–631. (In Russ.)

Turakaev M. S. Seasonal migrant labor and reproduction of the social and cultural practices in the Russian region: the case of the Republic of Bashkortostan. *Vestnik of Saint Petersburg Universiteta*. Series 12. Sociology. 2016. No. 1. Pp. 35–47. (In Russ.)